

проявлению // Глобальное пространство культуры: Мат-лы Междунар. науч. форума, 12–16 апреля 2005 г. СПб., 2005. С. 351–354.

Попов В.А. Бурыкин А.А., Добронравин Н.А. Этническое планирование и конструирование этничности в политике и социальной практике XX века // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 359–366.

Решетов А.М. Этнопсихология и смежные науки // Советская этнография. 1983. № 4.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.; N.Y.: Verso, 1983.

Mullaney Th.S. Coming to Terms with the Nation, Ethnic Classification in Modern China. Berkeley: University of California Press, 2011.

Ю. Ю. Карнов

«ЕДИНЫЙ НАРОД ДАГЕСТАНА» — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ И РЕАЛИИ

Для современной России тема глобализации имеет особенность в этнополитическом и этносоциальном аспектах. Она выражена уже тем, что проблема формирования новой гражданской и социально-культурной общности «российский народ» обладает предысторией. Имеется в виду еще сравнительно недавно декларировавшаяся идея о «советском народе» как реальности. Из уст президента В.В. Путина в относительно новой форме она получила продолжение и развитие в качестве важной составной части необходимой для жизнедеятельности страны «национальной идеи» и через это — политической цели. Подобная цель актуальна и в регионах, в многонациональных провинциях страны.

Едва ли не в первую очередь сказанное относится к Республике Дагестан (РД) — самой многонациональной республике Российской Федерации. И не только по указанной причине, но и потому что в XX в. в Дагестане произошли масштабные изменения социального и хозяйственного порядка, перекроившие этническую

карту республики и обострившие взаимоотношения между народами, общественную обстановку в целом. Это результат того, что начиная с 1920-х годов около полумиллиона человек поменяли место жительства, переселившись из горных районов в районы равнинные («на плоскость»).

«Разноплеменные» в этническом отношении горцы (аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы и др.) в результате подобной деятельности государства расселились на землях, издавна считавшихся кумыкскими. При этом правительством республики за ними сохраняются финансово-экономические привилегии жителей горных территорий (подробнее см.: [Карпов, Капустина 2011: 312–329])¹. В результате кумыкская общественность сетует на разрушение своей этнической территории и лишение народа перспектив развития.

В программных требованиях кумыкской общественно-политической организации «Тенглик», появившейся в начале 1990-х годов (первой национальной общественной организации в РД), было заявлено о необходимости «сохранения экономически и демографически целесообразного образа жизни кумыкского населения, а также среды обитания; прекращение массового переселения в Кумыкию и возврат незаконно изъятых земель их законным хозяевам». Восполненные и защищенные от новых посягательств со стороны земельные угодья кумыкского народа должны стать базой «восстановления всех структур этнизации» и т.д. [Кумыкское движение «Тенглик» 1996: 21, 89, 91].

Программа, в полной мере соответствующая идее и задачам нацистроительства.

В ответ на подобные заявления кумыкской общественности в республике появился аварский национальный фронт им. имама Шамиля, отстаивавший права аварцев-переселенцев на эксплуатацию новых для них земель на равнине. Одновременно формировались и начали действовать лезгинское, лакское, ногайское, даргинское и другие «национальные» структуры. В их программных документах заявлялось об интересах собственной «нации».

¹ Схожая ситуация, но меньшего масштаба из-за отличий природно-географической среды Ногайской степи сложилась в отношениях между горцами и ногайцами [Карпов, Капустина 2011: 329–348].

«Народы» и их права оказались на первом месте, им была предложена роль единственных субъектов политики, экономики, культуры, всего комплекса общественной жизни. Соответственно, политическое, экономическое и т.д. пространство в рамках системы (политико-правовой и т.п.) должно было быть разделено между ними, а общедагестанское раздроблено. Громко заговорили о федерализации Дагестана по национальному принципу (национальным регионам, и даже о выходе Кумыкии, Лезгистана, Ногай, Кизлярщины из состава РД). Кризис государственности, созданной советской властью, оказался налицо. Последняя и была признана виновницей если не главных, то очень значительных современных бед «Страны гор».

«Дагестанские национальности, которые сейчас находятся в центре политического дискурса, в недавнем прошлом существовали лишь как “вещь в себе”. Складывание дагестанских народностей <...> происходило уже в период, когда Дагестан стал автономной республикой в составе коммунистической России <...> Современные дагестанские национальности складывались “сверху”, опережая национальное самосознание <...> Конечно, при этом принимались во внимание объективные этнографические характеристики и складывающиеся в сознании населения этнические идентификации» [Кисриев 1998: 15].

Действительно, советское руководство на раннем этапе своей деятельности в известной степени абсолютизировало «национальную» — этническую и этнографическую составляющие народонаселения окраин страны. При этом оно руководствовалось популярным в европейской социал-демократии, а затем и в коммунистическом движении тезисом о «национальном самоопределении», правда, как подготовительной и переходной форме к бесклассовому обществу победившего в мировом масштабе пролетариата, к мировому сообществу с единым для всех языком. Это была тактика, но не стратегия достижения большой цели, при том что и первое, и второе оценивалось и рассчитывалось весьма умозрительно. В восточных окраинах страны подобная тактика выглядела оправданной и обоснованной еще и с той точки зрения, что акцентирование внимания на этническом наполнении социального поля должно было переместить, отвести его общественно-

политические доминанты от религиозного фактора, уже с середины 1920-х годов не привлекательного для новой власти, а затем и вовсе оценивавшегося в качестве враждебного при достижении главной цели.

Это в немалой степени противоречило традиционным основам жизнедеятельности национальных окраин, в том числе Дагестана.

Авторитетный ученый пишет: «Причина межэтнического мира в прошлом и настоящем заключается в том, что в Дагестане не были известны, подчеркну, абсолютно неизвестны “этнические территории”, первопричина межэтнических конфликтов. Регион был покрыт сетью территориальных (но не этнических) владений, вплоть до принадлежащих сельским обществам и их союзам <...> Феномен межэтнической толерантности в Дагестане, таким образом, находит фундаментальное объяснение в “территориальной и правовой устроенности” и соответствующей правовой защищенности реалий и полной индифферентности этнического фактора в конфликтных ситуациях в стародагестанском обществе. В силу исторических реалий последних двух столетий межэтническая толерантность сохраняется и поныне» [Агларов 2007: 24–25].

В республиканской публицистике данная тема получила свое развитие. «Межнациональному миру в Дагестане никто не нанес большего урона, нежели ленинская национальная политика. До того как большевики не занялись наведением своего порядка в Дагестане, деления по национальности на нашей земле не было. Горцы идентифицировали себя со своим джамаатом, горским обществом, уммой, и ни о каких национальностях никто и не слышал. Разделив представителей дагестанских общин на национальности, большевики поставили препятствие для образования общедагестанского этноса» [Газиев 2007].

Вроде бы все так. Действительно, деление территорий и их населения в «стародагестанском» обществе происходило по общинам, их объединениям, даже в феодальных владениях. Вопрос о том, кто на каком языке разговаривал и как себя мыслил (видел, определял, идентифицировал), находился на втором плане. Себя определяли преимущественно по принадлежности к конкретному сельскому обществу, а при нахождении в кругу представителей отдаленных от собственного общества территорий — по принад-

лежности к микрорайону (союзу общин) или району (этнографической, но не этнической области). При этом никто не смел и не мог забывать о том, что его община (равно как и община соседей) является верховным собственником земельных угодий, «своей» территории.

Наций (этносов) тогда действительно не было, они были неактуальны, так как права, но равно и обязанности распределялись в сельском обществе между членами джамаата (общины), а между сельскими обществами устанавливались договорные отношения, в том числе допускавшие сдачу в аренду (а не отдачу в безвозмездное пользование) своих земельных угодий.

В настоящем времени, пишет ученый, подобные обстоятельства тоже являются действенным фактором межэтнического мира в крае. Автор газетной публикации, ссылаясь на самоидентификацию горцев в старом дагестанском обществе по джамаатам и т.д., резюмирует, что нынешний «Дагестан должен уходить от национального деления и стремиться к созданию общего этноса. Мы все народы-братья. Никто назад в высокие горы не вернется, а значит, нужно учиться жить вместе...»

Все так. К тому же кого и как заставить вернуться... И кто будет оспаривать хороший призыв: «Ребята, давайте жить дружно!»

Однако и ученому, и публицисту наверняка известны примеры лакцев (даргинцев, аварцев и т.д. — выходцев из горных районов), которые, живя ныне в Бабаюртовском, Хасавюртовском (прежде практически одноэтнических кумыкских), Кизлярском (русском), Ногайском районах, считают занимаемую и хозяйственно эксплуатируемую ими там территорию частью Лакского и т.д. (т.е. родного для каждого из них горного) района. Понятна и логика ухмылок уроженцев горных районов по поводу сетований ногайцев на превращение их родины — огромных по площади пастбищных угодий — в пустыню в силу их чрезмерной эксплуатации. Говорят: «Да это все разговоры... их пастбища справятся, переживут». «Их» — не «свое». Ссылки на принципы функционирования толерантности в «стародагестанском» обществе (где сохранность «своего» была гарантирована), равно как обвинение большевиков в разрушении «своего» (и исподволь «чужого»), но в известном смысле тоже «своего» некорректны. Условия, «правила игры» в то

время были другими, и это при том что «никто не собирается возвращаться в высокие горы». Тогда с чего ожидать желания другой стороны делиться «своими дедовскими» землями¹.

Земельный вопрос на разных уровнях — отдельных сельских обществ (см., например: [Карпов 2010]) и на республиканском — остается одним из главных и трудно разрешимым. Реальное и деятельное представительство всех — больших и малых — «народов» в высших органах власти республики также. Отсюда риторика современной газетной публицистики. Приведу примеры заголовков статей в главном печатном органе РД газете «Дагестанская правда»: «Дагестан красив единством многообразия своих народов», «Сохраним межнациональный мир», «Мы — единый народ», «Мы сильны единством наших народов», «Как укрепить наше единство», «Добиться осознанного единства народов Дагестана» и т.д. и т.п. Она не меняется на протяжении 10–15 лет. На данную тему проводятся совещания и заседания на разных уровнях, но одновременно не прекращаются и собрания представительных общественных структур разных народов республики, где высказываются требования удовлетворить их частные или достаточно общие интересы, работают конфликтные комиссии.

Каковы перспективы выхода из подобного кризиса?

С одной стороны, очевидно, что в условиях провозглашения главой Российской Федерации цели на формирование общегражданского единства, общности «российский народ», никто в центре не пойдет на сегментацию имеющихся, так либо иначе, но давно сложившихся социальных и в известном смысле политических общностей, таких как Дагестан. Это тем более верно, ибо и в политических, и в научных кругах довольно громко звучат голоса, призывающие отказаться в системе государственного устройства от национального принципа. Применительно к Северному Кавказу такую точку зрения неоднократно высказывал Н.Ф. Бугай (см., например.: [Бугай 2011]). С другой стороны, осуществленные примеры реконструкции государственно-административной системы в масштабах страны через создание Пермского, Забайкаль-

¹ «Попробуй мы, кумыки, заполучить себе землю в горном селении — нас туда и на порог не пустят», — так говорят жители районов, ставших зоной переселений горцев. И это факт.

ского, Камчатского краев и ликвидацию национальных округов на Северном Кавказе вызывают явное неодобрение, что видно по реакции практически всей общественности этого региона на разговоры о включении Республики Адыгея в состав Краснодарского края. Не только актуализированная историческая память местных народов, но и опыт (который в целом нельзя признать успешным) существования национальных образований в советское время в формате соответствующих сначала округов, затем областей и, наконец, республик не позволяет их представителям отказаться от подобного принципа функционирования в настоящем и прогнозируемом будущем.

Применительно к Дагестану можно сказать, что при решении властью наиболее злободневных проблем, в первую очередь экономического плана, тема «национального сепаратизма» вполне вероятно будет затухать. Это может происходить и на фоне актуализации религиозной — исламской — идентичности, объединяющей большинство населения республики (см.: [Карпов 2012])¹. В этих условиях важно, чтобы таким образом конструируемый «единый народ Дагестана» не оказался противопоставленным в гражданском отношении «российскому народу». Предпосылки для этого имеются, хотя и не очень значительные. Республиканская власть, поддерживаемая властью федеральной, стремится максимально снизить роль религиозного фактора. При таких обстоятельствах декларирование единства дагестанцев как единого народа, не только как культурно-исторической, но и этнокультурной общности перспективно. Можно сказать, что достижение подобной цели достаточно реально, так как и на местах, в тех же районах массового вселения горцев, в первую очередь «кумыкских», среди кумыков осознают ее актуальность. На протяжении последних десятилетий, а то и столетий самосознание дагестанцев было многоуровневым — от общинного через «районное» и национальное

¹ В этой связи можно отметить, что наблюдаемый с первой половины 1990-х годов до настоящего времени подъем религиозной активности на Северном Кавказе, принимающий экстремистские формы, до известной степени был обусловлен нереализованным потенциалом этнического (национального) «возрождения» или, точнее, приписываемыми ему возможностями и неоправдавшимися надеждами.

к дагестанскому как таковому. «Единый народ Дагестана» — это определенная реальность, только ее не следует вводить в рамки этничности.

Библиография

Агларов М.А. Исторические корни межэтнической толерантности в Дагестане // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-кавказских чтений 2006–2007 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2007.

Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011.

Газиев З. Особенности национальной охоты // Республика. 2007. № 47, 23 ноября.

Карнов Ю.Ю. Из истории переселенческого движения в Дагестане. Судьба Кази-юрта // ЭО. 2010. № 1.

Карнов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — XXI вв.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.

Карнов Ю.Ю. Старые и новые идентичности в современном Дагестане // Нацестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики: Мат-лы заочного круглого стола. Ростов н/Д., 2012.

Кисриев Э.Ф. Национальности и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998.

Кумыкское народное движение «Тенглик»: Материалы и исследования / Сост. и ред. К.М. Алиев. Махачкала, 1996.

Д. А. Шевченко

К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ «ПЛЕМЕН» В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ ИНДИИ

Не все жители Индии являются кастовыми индуистами, и известно, что границы кастового общества довольно четко определены и в брахманической традиции, и в индийском социуме. На периферии кастового общества остаются племена и многие переходные, в том числе так называемые «неприкасаемые», кастовые